

Литературный Ленинград

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

№ 5 (91)

Адрес редакции: Ленинград, 2. Фонтанка, 57. Тел. 560-58.

1 февраля 1935 г.

НЕПОНЯТАЯ ПЬЕСА

Еще в 1889 г. Чехов писал: «Я долго дерзкую мечту суммировать все то, что доселе писалось о ноющих и тоскующих людях и своим «Ивановым» положить предел этим писаниям».

Однако «положить предел» Чехову не удалось. Критика и читатели продолжали считать его «певцом хмурых сумерек» и ноющих и тоскующих людей. Это расхождение с читателем Чехов особенно остро переживал в последние годы жизни, совпавшие с новым общественным подъемом, предшествовавшим революции 1905 года.

Это был эпоха создания «Вишневого сада».

Чехов-драматург любил комедийные формы. Шутка для Чехова была привычным литературным оружием.

Но беда в том, что большие комедийные формы Чехову не удавались, и вся работа Чехова-драматурга свидетельствует об этом. «Иванов», первоначально задуманный, написанный и поставленный на сцене, как комедия (первая редакция пьесы 1887 г.), потом переделан в драму с добавлением трагического конца. Та же судьба постигла комедию «Леший», которая вскоре превратилась в драму «Дядя Ваня». О замысле «Чайки» сам Чехов писал: «Комедия, три женских роли, шесть мужских, пейзаж, много разговоров о литературе, мало действия, пять пудов любви...» (Письмо к А. Суворину от 10 ноября 1895 года). Здесь нет еще ни слова о будущей трагической развязке пьесы.

Таким образом почти каждая большая пьеса Чехова, первоначально задуманная как комедия, постепенно приобретала драматические черты.

Конечно, и в «Вишневом саду» мы находим ряд комедийных элементов, а некоторые действующие лица являются типичными комедийными персонажами. Но есть в этой пьесе Чехова нечто новое, не свойственное ни его водевилям ни его прежним драмам. В «Вишневом саду» несомненно имеются элементы полемики. Автор здесь стремился ударить по тем представителям интеллигенции, которые упорно записывали его в нытики и пессимисты.

«Я боюсь и не люблю серьезных физиономий, боюсь серьезных разговоров», — говорит студент Трофимов. За его словами скрывается чеховская боязнь этой мнимой серьезности.

Вся фигура Гаева построена в плане резкой сатиры на глубоко ненавистную Чехову либеральную бол-

товню. Отсюда и юбилейные спити перед книжным шкафом и разговоры с половыми о декадентах.

Даже в полукarikатурном образе Епиходова мы находим злую издевку над тем самым пессимизмом, который упорно приписывался автору пьесы.

«Я, развитый человек, читаю разные замечательные книги, но никак не могу понять направления. Чего мне собственно говоря хочется — жить мне или застрелиться?»

В том же пародийном плане показана анэдотическая фигура прохожего с его высокопарной декламацией.

Чехов здесь уходит от своей прежней безалаберной шутки, он впадает в издевку, в сарказм. Чехов издевается над интеллигентскими болтунами. Он противопоставляет им новых для своего времени людей — Лопахина, как человека дела, и Петю Трофимова, как носителя передовой мысли.

Когда Чехов заканчивал свою пьесу, уже явственно чувствовалась пятая будущей первой русской революции. Если в то время когда пьеса была только задумана, «достаточной» была только издевка над старым, то теперь требовалось показать людей новой эпохи. В первоначальных планах пьесы в центре внимания автора была старуха-помещица, ее родственники, захары и домочадцы. Только потом появились фигуры Лопахина и Трофимова. Уходящему миру должны были быть противопоставлены новые люди, идущие ему на смену. Нужно было показать борьбу старого с новым, а это против воли автора вносило в пьесу элемент драматизма. Так и на этот раз Чехову не удалось написать комедию.

«Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс», — пишет Чехов М. Алексеевой. А через семь дней (21 сентября 1903 года) Чехов пишет О. Книппер: «Последний акт будет веселый, и вся пьеса веселая, легкомысленная».

Эти письма писались в период упорной, настойчивой работы над пьесой. Работа подвигалась туго, медленно. И в последующих письмах после 21 сентября мы уже не находим ни слова о комедийном звучании пьесы. Через четыре дня после цитируемого выше письма (25-го сентября 1903 года), Чехов уже пишет той же Книппер: «Мне кажется, что в моей пьесе, как она ни скучна, есть что-то новое». Руководители Художественного театра со

Рис. худ. Б. Малаховского

слов самого Чехова ждали веселой комедии. Вот почему прибывшая в театр пьеса их несколько смутила. Это смущение Немирович-Данченко выразил в телеграмме, посланной Чехову. В ответ на телеграмму Чехов писал:

«Почему ты в телеграмме говоришь о том, что в пьесе много плачуших? Где они? Только одна Варя плакала по натуре, и слезы ее не должны возбуждать унылого чувства. Часто у меня встречались — сквозь слезы, — но это показывает только настроение действующих лиц, а не слезы...» (23 декабря 1903 года).

Чехов протестует против эстетического толкования пьесы, но он теперь уже признает, что слезы как-то определяют настроение действующих лиц. Пьеса уже готова, о ней ведется переписка и о комедийном ее звучании мы теперь не находим ни слова в письмах Чехова.

Между тем, последующая переписка со Станиславским и Немировичем-Данченко нам кажется чрезвычайно важной для правильного понимания «Вишневого сада». Надо здесь заметить, что эта переписка носит исключительно дружеский характер, никаких расхождений в понимании пьесы между автором и будущим создателем спектакля здесь не заметно. Можно ли в таком случае говорить о том, что пьеса была неправильно понята, извращена театром?

Чехов достаточно подробно останавливается на отдельных персонажах пьесы. Для нас важно, что в этих письмах Чехов лишь вскользь говорит о Раневской и Гаеве, т. е. о тех персонажах, которые до сих пор считаются основными героями пьесы. Значительно больше интересуется Чехов Аней, Варей, Трофимовым и, наконец, центром внимания автора перенесен на образ Лопахина.

«Лопахин (пишет Чехов Станиславскому) — купец, но порядочный человек во всех смыслах. Держаться он должен вполне благопристойно, интеллигентно, без фокусов. Мне кажется, что эта центральная роль в пьесе вышла бы у вас блестяще» (30 октября 1903 года).

Огромное значение роли Лопахина подчеркивается Чеховым и в письме к Немировичу-Данченко: «Ведь если Лопахин будет бледен, испален бледным актером, пропадет и роль и пьеса» (2 ноября 1903 года).

Это исключительное внимание ав-

тора к образу Лопахина мы считаем чрезвычайно важным для правильного понимания пьесы. Ведь, как явствует из указаний самого Чехова, в центре внимания постановщика должен быть образ Лопахина, т. е. образ представителя новой буржуазии, идущей на смену владельцам вишневых садов. Если внимательно прочесть «Вишневый сад», отрешившись от всех литературных и эстетических традиций, ценность этих указаний Чехова будет для нас особенно явственной.

Пьеса Чехова, названная автором «комедией», является драмой, но драматизм ее не там, где его обычно искали. К дворянским героям — Гаеву и Раневской — Чехов относится с глубокой проницательностью. Именно вокруг фигуры Лопахина завязан драматический конфликт, достигающий большой силы к концу третьего акта. В этой сцене, являющейся кульминационным пунктом пьесы, центр внимания сосредотачивается вокруг сложных переживаний нового владельца вишневого сада.

Да, это — драма, но драма не победителей, а побежденных. Новый владелец вишневого сада, представитель российской буржуазии, вышедший из крестьянских низов, слишком тесно связан с Раневской и Гаевым. Отсюда его невольное бессилие, отсюда ограниченность его делового размаха. Перед лицом людей нового поколения, перед лицом Трофимова и Ани Лопахин чувствует себя растерянно и неловко.

«Как в смысле обмена веществ нужен хищный зверь, который съедает все, что попадает к нему на пути, так и ты нужен», — говорит Трофимов Лопахину (2-й акт).

Весь драматизм положения в том, что в роли хищного зверя выступает здесь невзрачный, обреченный на бессилие. Чехов гениально изобразил эту слабость русской буржуазии, слабость которая была даже во время ее побед.

«Вишневый сад» является драмой российской буржуазии, своеобразной трагедией слабости этой буржуазии. Это то оригинальное, свое, глубоко своеобразное, что внес Чехов в трактовку в то время хорошо знакомой, почти традиционной темы.

В самом деле, разорение дворянства было чуть ли не основной темой русской драматургии конца прошлого века. Вспомним хотя бы

«Светит да не греет» А. Островского и Н. Соловьева, пьесы и по сюжету и по трактовке отдельных образов близкую к «Вишневому саду». В репертуаре театров того времени мы найдем по крайней мере несколько десятков пьес на ту же тему. Самые ходкие из них «Расплата» Гославского, «Перекати-поле» Гнедича и др. За год до «Вишневого сада» на сцене появляется пьеса С. Мамонтова «В сельце Отрадном», в которой автор пытается проследить процесс гибели дворянской усадьбы в течение почти целого столетия.

Во всех этих пьесах в увядающей барской усадьбе появляется грубый, необразованный, жестокий мужик-предприниматель. Симпатии авторов — на стороне погибающего дворянства. Дворянская трагедия воспринимается здесь как трагедия русской литературы. Чехов вносит комический элемент в трактовку образов Раневской и Гаева. Вместе с тем он подчеркивает интеллигентность Лопахина, делает его тонким и музыкальным и в то же время показывает внутреннюю слабость этого героя. Чехов здесь не завершает традиции, а резко выступает против нее.

Образ Трофимова тоже до сих пор не был понят. В одном из писем Книппер (от 19 октября 1903 г.) Чехов говорит: «Ведь Трофимов то и дело в ссылке, его то и дело выгоняют из университета, а как изобразить птичку сии?» Таким образом, Чехов здесь недвусмысленно указывает, что в лице Трофимова он хотел изобразить представителя передовой революционной интеллигенции. Образ Трофимова в этом плане не удался. Тем не менее восстановленные цензурой строки монологов Трофимова, в частности, слова о тяжелом быте рабочих, о жизни за чужой счет заставляют как-то по новому звучать не только этот образ, но, пожалуй, и всю пьесу. Недаром наиболее ударные строки монологов Трофимова упорно выбрасывались царской цензурой, которая оказалась более дальновидной, чем современная Чехову критика.

Мы не имеем здесь возможности подробно остановиться на спешителской истории «Вишневого сада». Укажем только, что господствующее мнение о том, якобы Художественный театр трагически истолковал пьесу Чехова, в корне неверно. Пьеса Чехова был на первых порах истолкована Художественным театром как комедия. Критика, жалвавшая «пессимистический» спектакль, была разочарована. Десятки рецензий (часто достаточно авторитетных авторов) свидетельствуют о комедийном звучании «Вишневого сада» на спектакле 17 января 1904 года.

Этот спектакль Художественного театра изменился и приобрел драматические черты уже в эпоху реакции, под непосредственным воздействием критики и всей буржуазной общественности. В старых театральные журналы мы находим ряд ценных материалов, свидетельствующих, как постепенно изменялся характер спектакля в Художественном театре. После постановки «Братьев Карамазовых» Н. Эфрос писал, что даже персонажи Чехова приобрели черты «героев подполья». В таком виде спектакль просуществовал до революции.

Однако обвинения, предъявляемые Художественному театру, в том, что именно он извратил пьесу Чехова, не выдерживают серьезной критики. Ошибка театра заключалась в том, что, даже трактуя «Вишневый сад» на первых порах как комедию, он не сумел достаточно серьезно и глубоко подойти к образам Лопахина и Трофимова; вследствие этого оказалось невольное снижение идейного звучания спектакля.

Критические легенды заслонили от нас пьесу Чехова. «Вишневый сад» понимался как пьеса тоскливая, нудная, и основной темой пьесы считалось разорение дворянской усадьбы и плач по дворянской культуре. Между тем, дворянское разорение в действительности является боковой темой пьесы. До сих пор как-то оставалось незамеченной основной темой пьесы — драма бессилия молодой российской буржуазии. «Вишневый сад» по-настоящему не был прочитан. Модная литературная теория о том, что «Вишневый сад» — веселая комедия, грешит несомненным упрощением. Несмотря на внешне комедийные формы, пьеса Чехова глубоко драматична. Перед нашим литературоведением стоит задача полного раскрытия этого замечательного произведения Чехова, в котором явственно чувствуется будущее грозное раскрытие первой русской революции.

И. БЕРЕЗАРК.
В порядке обсуждения.

— Также — классик!.. Даже первой части романа не написал..